

18+

АЛЕКСАНДР КАЧУРА

ТЫ МОЯ САМАЯ СВЕЖЕНЬКАЯ.

КРУГОСВЕТКА. ИНДИЯ

Александр Качура
Ты моя самая свеженькая.
Кругосветка. Индия

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73873059
ISBN 9785006985841*

Аннотация

Дракон Федя, говорящий мангал, слон в ведре и компания случайных героев вместо портала попадают в Индию. Здесь боги давно не просыпаются, халва решает экзистенциальные вопросы, а чих может изменить реальность. Абсурдное, тёплое и очень вкусное приключение о том, как не туда приехать – и оказаться именно там, где нужно.

Содержание

ГЛАВА 1	14
ГЛАВА 2	43
ГЛАВА 3	79
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Ты моя самая свеженькая. Кругосветка. Индия

Александр Качура

© Александр Качура, 2026

ISBN 978-5-0069-8584-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ТЫ МОЯ САМАЯ СВЕЖЕНЬКАЯ. КРУГОСВЕТКА.

ИНДИЯ.

АЛЕКСАНДР КАЧУРА

ТЫ МОЯ САМАЯ СВЕЖЕНЬКАЯ.

КРУГОСВЕТКА. ИНДИЯ

ПРОЛОГ

Храм стоял в джунглях. Не там, где туристы теряют шлёпанцы и смысл жизни. Там, где деревья помнят времена, когда дорог не было даже у богов, а боги, если честно, не очень-то и старались их делать, потому что никто не хотел брать на себя ответственность за первый поворот. Стены поросли мхом, ступени стёрлись до философии, а философия – до пыли, но крыша держалась – из упрямства. Или из уважения. В Индии это одно и то же и иногда третье, но это уже платная версия.

Шива сидел за столом и смотрел вдаль. Вдаль было некуда – джунгли начинались сразу за верандой и заканчивались там же, потому что у джунглей не было ни цели, ни плана, ни карьерного роста. Но он смотрел. Тысячу лет. Или две. В какой-то момент числа перестают иметь значение и начинают обсуждать погоду между собой, иногда с переходом на личности.

С кухни доносился шум. Кали, как всегда по утрам, готовила завтрак и судьбу вселенной одновременно, не путая рецепты, что уже вызывало уважение у хаоса. Восемь рук мелькали в воздухе – одна помешивала, вторая резала, третья поправляла гирлянду из черепов, четвёртая спорила с кастрюлей, пятая уже победила, шестая фиксировала победу, седьмая записывала в протокол, восьмая просто держала общий тон. Черепов было сто восемь. Как всегда. Как тысячу

лет. Один был треснутый и обижался. На всех. Даже на себя. Особенно на себя. Иногда он обижался заранее, чтобы не тратить время потом. Кали не считала их лишними. Она вообще не считала. Если предмет пережил апокалипсис – он уже в списке, а если пережил два – он уже родственник.

– Дорогая, – сказал Шива, не оборачиваясь. – Ты видела новости?

– Нет, – ответила она, не отвлекаясь. – Мир ещё существует?

– К сожалению, да. Но старается и, судя по трендам, делает это без энтузиазма.

– Тогда что там?

– Ягуар стрим ведёт.

– О, – Кали отложила нож, который сам продолжил резать и даже начал комментировать процесс. – Мне нравится его канал. Он однажды интервью у статуи взял, и она ответила. Сначала молчала, потом сказала: «Убери вспышку». Это был сложный диалог, но честный.

– Вот именно, – Шива развернул телефон. – Но сегодня он превзошёл себя, платформу и, возможно, законы причинно-следственной связи.

На экране была платформа в Дели. Чай, люди, шум, и один дракон, который пытался чихнуть и не мог. Он уже начинал уважать себя за терпение и подумывал открыть курсы.

Кали подошла ближе. Восемь рук замерли. Сто восемь черепов на поясе синхронно наклонились, как будто это был

древний хор, который забыл текст, но решил держаться уверенно.

– Что случилось?

– Эти... – Шива ткнул пальцем в экран. – Эти сценаристы без лицензии! Они перепутали поезд!

– Это бывает.

– Это не бывает! Это у них метод! Они планировали в порт, а приехали в Дели! В Дели, Кали! Это как идти за хлебом и стать философом! И не просто стать – ещё и начать преподавать!

Кали посмотрела. На платформе толпились знакомые лица. Костя пытался поймать свою руку. Рука не давалась, потому что уже завела знакомства, оформила социальные связи и, кажется, собиралась остаться. Мама Сара выкатывала мангал, который выглядел так, будто у него есть мнение, оно оформлено в трёх экземплярах и сейчас будет подано с подписью. Федя сидел на плече Эби и выглядел так, будто только что понял, что он – дракон, но пока не решил, писать ли об этом родителям.

Над всем этим висела табличка: «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ДЕЛИ», и она выглядела так, будто сама не ожидала такого поворота сюжета и уже писала жалобу.

– Они в Дели, – сказала Кали.

– В Дели! – подтвердил Шива. – Они уже в Дели! А от Дели до нас...

– Полдня на слоне. Если слон в настроении. Если нет – он

будет обсуждать музыку, политику и то, что труба его не понимает.

– Полдня на слоне! – Шива схватился за голову. – Не дай бог они к нам доберутся!

Кали посмотрела на мужа. На трезубец, который делал вид, что он просто мебель, но мебель с прошлым. На барабан, который пылился, но пыль на нём выглядела организованной, как будто её кто-то координировал. На телефон, где ягуар уже брал интервью у чайвалы, и чайвала отвечал так, будто давно ждал этот момент и подготовился.

– Шива, – сказала она. – Ты чего боишься?

– Я не боюсь! – он выпрямился. – Я просто... не хочу, чтобы они тут всё...

– Что?

– Ну... это... всё.

– Разрушили?

– Да!

– Шива, – Кали взяла его за руку (третья пара, семейная, с гарантией). – Ты бог разрушения.

– Это другое! – возмутился он. – Я разрушаю по плану, по смете, с отчётом и в конце подписываю акт! А они... они разрушают потому что «ой, а что если!»! Это не хаос, это импровизация без репетиции!

– То есть честно?

– Хуже. Самоуверенно.

На экране Федя наконец чихнул. Искра вылетела, сдела-

ла круг почёта, задержалась на секунду, чтобы оценить себя, и превратилась в звезду. Чайвала заплодировал. Кто-то крикнул: «Культурно!» Кто-то попытался продать звезду. Кто-то уже купил. Торговля звёздами в Индии запрещена, но это воспринимается как рекомендация.

Шива смотрел на это. Кали смотрела на Шиву. Сто восемь черепов тихо хихикали, один пытался держать серьёзное лицо, но у него не получалось по конструктивным причинам.

– Ты же сам говорил, что скучно стало, – сказала она.

– Я говорил про тысячу лет тишины! – возразил он. – А не про это! Это же не хаос, это... это коллективное решение не думать!

– Мангал разговаривает? – Кали заинтересовалась.

– Уже да! И у него акцент! И он спорит с налоговой! С какой – уже никто не помнит, но он выигрывает и требует моральную компенсацию!

– Это талант.

– И метла с изолянткой считает себя драконом!

– А вдруг она права?

– Кали!

– Что?

– Они уже едут! Я чувствую! Ведро светится! Слон играет на трубе и обижается на критику! Это не просто знак, это уже уведомление с напоминанием!

Кали взяла телефон. Посмотрела на экран. Ягуар поворачивал камеру к выходу, комментируя происходящее с ува-

жением и лёгкой паникой.

– Они вышли, – сказала она.

– Я знаю.

– На рынок пошли.

– Я знаю.

– Шива, – Кали улыбнулась. Улыбка была мягкая, древняя и немного опасная для стабильности. – Это будет весело.

– Это будет катастрофа.

– Какая разница.

Она пошла на кухню. Восемь рук снова задвигались – помешивать, резать, побеждать, фиксировать победу и немного наслаждаться процессом. Сто восемь черепов затихли. Они знали: если Кали сказала «какая разница», значит, разницы действительно нет, и это худший вариант для тех, кто любит контроль.

– Шива! – крикнула она. – Ты обедать будешь?

– Не хочу!

– Рыбу сделала.

Шива замер. Посмотрел на телефон, где Костя договаривался со своей рукой о границах и, кажется, проигрывал переговоры. Посмотрел на кухню, откуда пахло жареной рыбой и неизбежностью.

– Ладно. Но если они придут – я не открываю.

– Конечно, – сказала Кали. – Не открываешь. Ты вообще редко открываешь. Даже глаза. Даже очевидное.

Она налила чай. Поставила на стол. Шива сел. Взял чаш-

ку. Сделал глоток.

– С кардамоном?

– Как ты любишь.

– Спасибо.

Он снова посмотрел на телефон. На рынке рука уже почти получила паспорт и рассматривала варианты гражданства. Продавец бананов требовал визу и предлагал скидку. Мангал что-то доказывал человеку в форме и, судя по интонации, уже почти выигрывал дело. Слон действительно играл на трубе. Плохо. Но с чувством. И с обидой на критику.

Шива хмыкнул.

– Что? – спросила Кали.

– Ничего. Просто... смешно.

– Ты улыбаешься.

– Это не улыбка. Это утечка. Небольшая, но уже тревожная.

Кали села рядом. Взяла свою чашку. Черепа притихли – начался момент, который потом будут вспоминать, пересказывать и слегка улучшать.

– Шива.

– М?

– Они придут.

– Я знаю.

– И это будет хорошо.

Он посмотрел на неё. На её восемь рук. На сто восемь черепов. На спокойствие, которое пережило всё и теперь поз-

воляло себе шутить.

– Откуда ты знаешь?

– Потому что дракон, который не чихает, – это знак.

– Какой?

– Что пора перестать скучать и начать жаловаться.

Шива допил чай. Поставил чашку. Взял трезубец. Подумал. Прислонил обратно, потому что не время, но уже близко.

– Ты права, – сказал он. – Пора.

Он встал. Вышел на веранду. Посмотрел вдаль. Джунгли стояли тихо, как будто делали вид, что их это не касается. Но где-то там уже шумел рынок. Кто-то спорил о касте мангала. Кто-то пытался договориться с рукой и подписывал предварительное соглашение. Слон играл на трубе и проигрывал, но делал это уверенно.

– Ну, – сказал он. – Пусть приходят.

Он улыбнулся. Впервые за тысячу лет. Или за две. В какой-то момент это уже статистика, а не эмоция.

На кухне Кали тихо засмеялась. Сто восемь черепов на её поясе радостно зазвенели. Один попытался взять верхнюю ноту и провалился, но это тоже засчитали. В Индии засчитывают всё, что звучит уверенно.

ГЛАВА 1

Рынок встретил их шумом.

Не тем шумом, который можно измерить в децибелах. Тем, который измеряется в жизнях, сделках и недосказанностях. Здесь торговались, спорили, смеялись, ругались, мирились, ели, снова торговались, потому что первый раунд был только разминкой, а второй – уже личное. Здесь пахло специями, жареным тестом, чаем, цветами, коровьим навозом, бензином и чем-то, что не поддавалось определению. Возможно, это пахла сама вечность. Возможно – вчерашний суп. Разницы никто не чувствовал.

Коровы шли туда, куда хотели, и иногда туда, куда не хотели, но так получалось. Никто им не мешал. Слоны стояли там, где стояли, и никто не спрашивал, почему, потому что ответ мог занять несколько часов и включать музыку. Люди несли на головах корзины, сумки, детей и одну очень удивлённую курицу, которая уже смирилась со своей судьбой, но не до конца и вела внутренний учёт.

Федя вылетел на рынок первым. Сделал круг, приземлился на чью-то тележку с манго, чихнул – и замер. Не потому что нельзя. А потому что не получилось. Воздух был такой плотный, что чих застрял где-то в горле, оформился в мысль и вернулся обратно.

– ЭБИ, – сказал он тихо. – ЗДЕСЬ НЕ ЛЕТАЕТСЯ.

– Это рынок, – сказала Эби.

– РЫНОК НЕ ЛЕТАЕТСЯ?

– На рынке летают только цены. И иногда обещания.

Федя задумался. Это была сложная мысль. Он сел на плечо Эби и решил временно быть мудрым.

Горо вышел следом. Ведро в его руках светилось. Не ярко – уверенно. Как будто знало, что будет дальше, но не собиралось спойлерить.

Горо заглянул внутрь.

– МАМА САРА, ТАМ СЛОН.

– Какой слон? – спросила мама Сара, выкатывая мангал на мостовую, как будто это была обычная утренняя практика.

– НАРИСОВАННЫЙ. ОН ИГРАЕТ В КАРТЫ. И, КАЖЕТСЯ, ЖУЛЬНИЧАЕТ.

– В карты?

– ДА. И У НЕГО ТРУБА. И ЛИЦО, КАК БУДТО ОН УЖЕ ВЫИГРАЛ.

Мама Сара посмотрела на ведро. Ведро посмотрело на неё. Мангал тихо звякнул, как будто хотел вставить реплику, но решил подождать кульминации.

– Не знаю, – сказала мама Сара. – Но раз ведро показывает – значит, это уже произошло. Просто мы ещё не успели.

Папа Изя шёл сзади, развернув газету. Газета была трёхмесячной давности, но здесь это считалось свежим мнением.

– Тут пишут, – сказал он, – что на этом рынке можно ку-

пить всё.

– Всё? – переспросил Степан.

– Всё. Даже то, чего нет. Особенно то, чего нет. Это дороже.

– А если нет денег?

– Тогда берёшь в долг у кармы. Проценты неприятные.

Мэри шла рядом, прижимая к себе сумку с айфонами. Все тридцать два экрана светились. Призраки внутри что-то активно обсуждали, перекрикивая друг друга и алгоритмы.

– МЫ НЕ ЗНАЕМ ЭТОТ ЯЗЫК! – выкрикнул один.

– УЧИТЕ! – ответил другой.

– МЫ УМЕРЛИ ТЫСЯЧУ ЛЕТ НАЗАД! У НАС НЕТ ВРЕМЕНИ!

– У ВАС ЕСТЬ ВЕЧНОСТЬ! ЭТО БОЛЬШЕ, ЧЕМ ВРЕМЯ! ЭТО ПЛАТНАЯ ПОДПИСКА!

– А ГДЕ ОТМЕНИТЬ?!

Спор перешёл в стадию теории и начал угрожать практике. Мэри решила не вмешиваться. Она уже пробовала – один раз они почти создали религию.

Костя проверил руки. Две были на месте. Третья – в кармане. Она высунулась, посмотрела на рынок, оценила и показала большой палец.

– Ей нравится, – сказал Костя.

– Она всегда говорит, что ей нравится, – сказала Эби.

– Это потому что она знает больше.

– Что именно?

– Что я ещё не знаю.

– Что?

– Что мне здесь понравится, даже если не должно.

Рука показала два больших пальца. Подумала. Показала третий, которого у неё не было. И убежала.

Не просто отвалилась – ушла по делам. Целенаправленно, уверенно, с планом. Она проскользнула между ног прохожих, обогнула тележку с манго, перепрыгнула через лужицу чая, в которой кто-то уже гадал, и остановилась у прилавка с бананами.

Продавец был стар. Не просто стар – он помнил времена, когда рынок только собирался открываться и ещё сомневался. Он видел империи, богов и скидки, которые длились слишком долго.

– Это ваше? – спросил он, поднимая руку за палец.

– Моё, – сказал Костя, подбегая. – Запасная. С характером.

– У вас есть документы?

– Какие документы?

– На руку. Это иностранный товар? Или местного производства? Есть ли у неё прописка? Цель визита?

– Она... со мной.

– Это не ответ. В Индии всё должно иметь документы. Даже боги. Особенно боги. У них всегда проблемы с регистрацией.

Рука показала средний палец. Продавец кивнул.

– Да, характер есть. Это плюс.

– Возьмите, – сказал он, протягивая руку. – Но в следующий раз оформляйте. Здесь есть камера предварительной регистрации конечностей. Третий ряд, палатка с красной крышей, рядом с человеком, который продаёт тишину. Работает с шести утра до шести вечера, кроме обеда, перерыва после обеда, перерыва перед ужином и философских пауз.

Костя взял руку. Рука не сопротивлялась. Она уже сходила куда хотела и, кажется, осталась довольна.

Мама Сара поставила мангал. Мангал зашипел. Не от огня – от желания участвовать.

Вокруг сразу собрались люди. Не потому что боялись. Потому что происходило.

– Это что? – спросил мужчина в тюрбане.

– Мангал, – сказала мама Сара.

– Какая у него каста?

– Он жарит.

– Это не ответ.

Метла вылетела вперёд. Зависла. Изолента блеснула, как аргумент.

– Я – брахман, – сказала она. – Я очищаю. Он – вайшья. Он торгует теплом. Но если надо – мы можем пересмотреть.

Толпа замерла.

– Метла... говорит?

– Метла говорит. И думает. Иногда быстрее, чем люди.

– А если я не согласен?

– Тогда подумайте ещё раз.

Мангал вспыхнул. Толпа заплодировала. Кто-то крикнул: «Свободу мангалу!» Кто-то уже продавал значки с этим лозунгом. Кто-то спорил, не пора ли создать союз мангалов.

– Это только начало, – тихо сказала метла.

Мангал одобритительно звякнул.

Ведро засветилось ярче.

Горо заглянул внутрь.

– МАМА САРА... ОН СМОТРИТ.

– Кто?

– СЛОН. И ОН УЖЕ НЕ ИГРАЕТ. ОН ЖДЁТ.

– Слоны умеют ждать.

– ОН ЖДЁТ НАС.

Из толпы вышел слон.

Он был огромный. Не просто большой – как аргумент, с которым не спорят. На нём были разноцветные попоны, на голове – тюрбан, в хоботе – труба.

Он остановился. Посмотрел на ведро. На Горо. Снова на ведро. Кивнул.

– Вы меня звали? – спросил он.

Голос был низкий, бархатный, с опытом и лёгкой усталостью от гениальности.

– МЫ... – Горо запнулся. – МЫ НЕ ЗНАЛИ.

– Знали, – сказал слон. – Просто не поняли. Это нормально. Понимание – это вторая версия знания.

Он поднял трубу. Сыграл короткую мелодию. Она была

похожа на утро, на джаз и на разговор, который ещё не начался.

– Меня зовут Луи, – сказал он. – Я – слон. Я – музыкант. Я – реинкарнация трубача из Нового Орлеана. В прошлой жизни я играл в баре. В этой – на рынке. Карьера идёт странно, но стабильно.

– Вы играете? – спросил Степан.

– Играю. Жалуюсь. Запоминаю. Слоны запоминают всё. Даже то, что лучше забыть.

Он посмотрел на ведро.

– Хорошее ведро. Оно не объясняет – оно показывает. Это честнее.

Он указал хоботом вглубь рынка.

– Там есть место, где ждут. Не люди. Не боги. Те, кто уже перестал задавать вопросы. Им нужно то, что у вас есть. Или то, что вы потеряли. Или то, что вы пока не заметили.

– КУДА НАМ ИДТИ? – спросил Федя.

– Сначала – к йогам. Они в горах. Они ждут вас 734 года. Уже без энтузиазма, но по привычке.

– А ПОТОМ?

– Потом – к Кали. Она ждёт. И делает вид, что нет.

– А ПОТОМ?

– Потом вы поймёте. Или нет. Но уже будет поздно сомневаться.

Он сыграл ещё одну мелодию. На этот раз чуть дольше. Рынок на секунду замолчал. Даже цены притихли.

– Я буду ждать вас у йогов, – сказал он. – Там, где горы дышат и делают это громче, чем нужно.

Он ушёл. Растворился. Остался только запах сандала и музыка, которая не закончилась.

Горо смотрел на ведро. Ведро светилось ровно. Внутри слон уже не просто играл – он выигрывал и не скрывал этого.

Айфоны Мэри вспыхнули.

– МЫ ПЕРЕВЕЛИ!

– Что?

– ВЫВЕСКА. ТАМ НАПИСАНО: «РЫБА ЕСТЬ. НО ОНА НЕ ДЛЯ ВСЕХ».

– Это как?

– ИЛИ «ЗАСЛУЖИТЬ». ИЛИ «ПЕРЕЖИТЬ». ПЕРЕВОД НЕ УВЕРЕН.

– А что значит «заслужить»?

– НЕ ЗНАЕМ. НО ЗВУЧИТ КАК ПРОБЛЕМА.

Чайвала появился рядом. Просто был.

– Рыба здесь есть, – сказал он. – Но её надо заслужить.

– Почему?

– Потому что это не еда. Это разговор.

– С кем?

– С тем, кто её съест. С тем, кто её поймал. С тем, кто её отпустил. Иногда – с собой. Это самый сложный вариант.

Он разлил чай. Исчез. Как и положено хорошему сервису.

Федя сидел на плече Эби. Он больше не пытался летать.

Он просто смотрел.

– ЭБИ.

– Да?

– Я НЕ ЗНАЮ, ЗАЧЕМ МЫ СЮДА ПРИШЛИ.

– Это нормально.

– НО МНЕ НРАВИТСЯ.

– Это опасно.

Они пошли вперёд. Через рынок. Через шум. Через запахи. Через разговоры, которые ещё не случились.

Впереди кто-то спорил о касте мангала. Кто-то договаривался с рукой. Кто-то продавал звезду и уже оформлял гарантию.

Рынок сомкнулся над ними, как вода. Только громче.

А где-то там, в горах, йоги открывали глаза. И ждали.

Уже 734 года.

И начинали подозревать, что это было не зря.

Они шли через рынок.

Не быстро – здесь быстро не ходят. Здесь идут так, чтобы успеть заметить всё, что продаётся, покупается, предлагается, перепродаётся и уже кем-то возвращено по гарантии, пока ты ещё не дошёл до следующего прилавка. Здесь время имеет другую скорость. Оно не течёт – оно стоит на месте и торгуется. Иногда выигрывает. Иногда уступает, но делает вид, что так и было задумано.

Костя проверил руку. Та, что убегала, теперь сидела в кармане и делала вид, что это была не она, а концепция. Вторая рука показывала на чай. Третья – на рыбу. Четвёртой не бы-

ло, но она уже подавала заявку на существование.

– Эби, – сказал Костя. – Мои руки спорят.

– О чём?

– Одна хочет чай. Вторая – рыбу. Третья хочет всё и сразу.

Это подозрительно.

– А четвёртая?

– Четвёртой нет. Но она уже прислала уведомление и просит обновление системы.

Эби вздохнула. Она давно перестала удивляться. В её жизни были вещи сложнее. Например, муж, который теряет руки по расписанию, и руки, которые живут своей жизнью и иногда возвращаются с опытом.

– Сначала – к йогам, – сказала она. – Потом – чай. Потом – рыба. Это порядок.

– А руки?

– Руки будут ждать.

Руки обиделись. Одна даже попыталась уволиться. Но осталась.

Горо шёл с ведром. Ведро светилось. Не ярко – уверенно. Как будто знало, что сейчас начнётся что-то важное, и заранее устало объяснять. Горо заглядывал в него каждые несколько шагов. Внутри слон всё ещё играл в карты. Но теперь он не просто играл – он подмигивал и, кажется, списывал.

– МАМА САРА, – сказал Горо. – ОН НАМ ПОДМИГИВАЕТ.

– Слоны не подмигивают, – сказала мама Сара.

– ЭТОТ ПОДМИГИВАЕТ. И ДВА РАЗА. ЭТО УЖЕ СИГНАЛ.

– Значит, он знает то, чего не знаем мы.

– А ЧТО ОН ЗНАЕТ?

– Если бы я знала, он бы уже требовал оплату.

Слон в ведре сыграл короткую мелодию. Горю показалось, что он слышит её не ушами, а чем-то внутри. Тем, что раньше было пустым, а теперь начинало заполняться... чем-то. Возможно, смыслом. Возможно, предоплатой.

Толпа расступалась перед ними сама. Не потому что боялась. Потому что чувствовала: эти идут не просто купить специи или поторговаться за шарф. Эти идут туда, где даже продавцы спрашивают разрешение у товара.

– Куда мы идём? – спросил Степан.

– К выходу, – сказала Эби.

– Это не выход. Это глубже.

– В Индии выход – это когда перестаёшь искать дорогу и начинаешь слушать. А потом жалеешь, что начал.

Мэри сжала его руку. Айфоны в её сумке затихли. Призраки поняли: сейчас не время спорить. Сейчас время запоминать и потом спорить об этом.

Рынок менялся.

Сначала – специи. Запахи были такими плотными, что ими можно было торговать на вес. Один продавец уже пробовал. Покупатели чихали и соглашались.

Потом – ткани. Цвета спорили друг с другом, повышали голос, ссылались на традиции. Жёлтый был уверен, что он главный. Красный был уверен, что он прав. Синий молчал и поэтому выигрывал.

Потом – посуда. Здесь звенело, гудело и обсуждало клиентов. Один чайник попытался заговорить, но увидел мангал и решил, что пока не его уровень.

Мангал ехал за мамой Сарой. Он молчал. Но его молчание было оформлено официально и имело вес.

Потом рынок стал тише.

Не потому что закончился. Потому что перестал делать вид, что это рынок. Здесь уже не продавали. Здесь просто были. И этого было достаточно, чтобы стало неуютно.

Старик сидел на корточках и смотрел на пустой прилавок. На нём ничего не было. Но он смотрел так, будто там лежало всё – от прошлого до сдачи.

– Здравствуйте, – сказал Степан.

– Здравствуйте, – сказал старик. – Вы идёте к йогам?

– Да.

– Не торопитесь. Они никуда не денутся. Они ждут. 734 года. Уже не помнят, зачем, но продолжают. Это уже профессиональное.

Он посмотрел на ведро.

– Хорошее ведро. Оно показывает не то, что есть. А то, что вы готовы испортить.

– Вы знаете, что там? – спросил Костя.

– Я знаю, чего там нет. А это полезнее.

Он улыбнулся. Встал. Ушёл.

Прилавок остался пустым. Но теперь на нём лежал цветок.

Жёлтый. Он проиграл спор, но выглядел победителем.

Горо остановился.

– МАМА САРА.

– Да?

– СЛОН ВЫЛЕЗ.

– Как вылез?

– ИЗ ВЕДРА. ОН ТЕПЕРЬ НЕ ВНУТРИ. ОН В ПРОЦЕССЕ.

Мама Сара посмотрела. Слона не было. Но стало теснее.

– Он не вылез, – сказала она. – Он начал происходить.

– А КОГДА ЗАКОНЧИТ?

– Когда вы перестанете спрашивать.

Они вышли с рынка. Не через главный выход – через тот, который появляется, когда ты уже не покупатель.

Перед ними была дорога. Она шла вверх. Медленно. Как разговор, который не хочется начинать, но уже начал.

На обочине сидел человек. В простой одежде. С закрытыми глазами.

Он не медитировал. Он просто сидел. Это сложнее.

– Вы к йогам? – спросил он, не открывая глаз.

– Да, – сказала Эби.

– Тогда вам сначала в деревню.

– Какую?

– Ту, где время остановилось. Не потому что устало. Потому что его забыли завести и решили не трогать.

Он открыл глаза. Посмотрел на ведро.

– Хорошее ведро. Оно помнит за вас. Это опасно.

– А вы? – спросил Степан.

– А я помню, что вы забыли спросить. И что лучше бы не спрашивали.

Он закрыл глаза. Разговор закончился сам.

Дорога шла вверх. Горы были ближе, чем казались.

И дальше, чем хотелось.

Федя сидел на плече Эби.

– ЭБИ.

– Да.

– А ЙОГИ – ЭТО КТО?

– Те, кто умеют ждать.

– А МЫ УМЕЕМ?

– Пока нет. Но уже начали.

– ЭТО БОЛЬНО?

– Это долго.

Они пошли дальше.

Рынок остался позади. Но не отпустил.

Впереди были горы. И те, кто ждал.

734 года.

И начинали подозревать, что это не ожидание.

Это уже образ жизни.

Дорога привела их к деревне.

Она не стояла на месте – она лежала. Как будто устала быть деревней, уволилась и решила просто существовать без должностных обязанностей. Дома были старые, но не ветхие. Они выглядели так, будто помнили всё, что здесь когда-либо случилось, и вели внутренний архив без права удаления. Стены хранили тепло. Крыши – тень. Двери – секреты. Окна – чужие мысли. И никто никуда не спешил, потому что спешка здесь считалась формой невежества.

На въезде висела табличка. Не новая, не старая – уставшая от объяснений:

«ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ. ВРЕМЯ ОСТАНОВЛЕНО. НЕ ВКЛЮЧАТЬ. ОБРАЩАТЬСЯ ОСТОРОЖНО. НЕ ТРОГАТЬ БЕЗ ВЗРОСЛЫХ»

– Это шутка? – спросил Степан.

– В Индии шутки не шутят, – сказала Эби. – Ими пользуются.

– А если серьёзно?

– Это и есть серьёзно. Здесь серьёзное всегда выглядит как шутка, чтобы его не трогали.

– А время правда остановилось?

– Да.

– Как?

– Забыли завести. Потом проверили – работает. Решили не мешать.

Никто не улыбнулся. Потому что это звучало слишком правдоподобно, чтобы быть смешным.

Федя слез с плеча Эби. Впервые за долгое время он шёл сам. По дороге. По пыли. По времени, которое не двигалось, но внимательно следило.

– ЭБИ, – сказал он. – ЗДЕСЬ ТИХО.

– Да.

– НО ТИШИНА ГРОМКАЯ.

– Это тишина, которая давно не разговаривала и теперь слушает сама себя.

– ЧЕГО ОНА ЖДЁТ?

– Повода. Или оправдания.

В центре деревни стоял колодец. Вокруг него – скамейки. На скамейках – люди.

Они не двигались. Не говорили. Не дышали. Просто были. Настолько качественно, что становилось неловко двигаться рядом.

– Они спят? – спросил Костя.

– Нет, – сказал кто-то.

Голос был старый. Спокойный. Без срочности и без планов на будущее.

– Они ждут.

Человек сидел у колодца. Он не отличался от остальных. Та же одежда. Та же поза. Та же неподвижность. Но в нём было что-то лишнее – он участвовал.

– Кого ждут? – спросил Костя.

– Вас.

– Нас?

– Вас. Или не вас. Мы не привередливые. Нам главное – процесс ожидания.

Он посмотрел на ведро.

– Хорошее ведро. Оно помнит за вас. Это удобно, но опасно. Люди быстро расслабляются.

– Мы ничего не забывали, – сказал Степан.

– Забывали. Поэтому и остановили. Не потеряли – оставили. Здесь. На хранение. Без чека.

– Зачем?

– Чтобы однажды вернуться и сделать вид, что нашли.

– И что тогда?

– Тогда вы поймёте, что время не нужно. Но уже будет поздно его включать.

Он закрыл глаза. Разговор не закончился – он просто перестал участвовать.

Горо подошёл к колодцу. Заглянул внутрь.

Там была вода. Не та, что течёт. Та, что смотрит. Как зеркало, которое устало отражать и теперь оценивает.

– МАМА САРА, – сказал он. – ТАМ НЕБО.

– Небо в колодце?

– ДА. И ОБЛАКА. И ОНИ НЕ ДВИГАЮТСЯ. И СМОТРЯТ ОБРАТНО.

– Потому что время остановилось.

– А ВОДА?

– Вода ждёт.

– ЧЕГО?

– Когда её спросят правильно.

Горо задумался. Это было опасно.

Мама Сара подошла к колодцу. Зачерпнула воды. Вода была холодной. Не по температуре – по возрасту.

– Сварим рыбу, – сказала она.

– Рыбу? – оживился Горо.

– Рыбу. Но сначала – чай. Всегда сначала чай. Даже если потом апокалипсис.

Она поставила мангал. Мангал зашипел. Впервые его шипение не было вызовом. Это был осторожный вопрос.

– Можно? – спросил мангал.

– Можно, – сказала мама Сара.

– А точно?

– Можно.

– Я просто уточняю.

Чайник закипел. Пар поднялся вверх.

Облака в колодце дрогнули. Не потому что испугались. Потому что вспомнили свою должностную инструкцию.

Люди на скамейках не двигались. Но один из них открыл глаза. Медленно. Как будто это было решение.

– Чай? – спросил он.

– Чай, – сказала мама Сара.

– Давно не пил.

– Сколько?

– Не помню. Я перестал считать, когда понял, что это не влияет.

– Тогда пей.

Она налила ему чай. Он взял чашку. Руки не дрожали. Они просто присутствовали.

– Спасибо, – сказал он. – Теперь я вспомнил.

– Что?

– Что чай должен быть горячим. И что я люблю его пить.

Он выпил. Поставил чашку. Закрыл глаза. Вернулся в состояние «быть».

Но теперь он улыбался. Это было лишнее. И поэтому важное.

Федя сидел у колодца. Смотрел на воду. Вода смотрела на него. Они не моргали. Это был честный разговор.

– ЭБИ, – сказал он. – Я ТОЖЕ ХОЧУ ВСПОМНИТЬ.

– Что?

– ЗАЧЕМ МЫ ЗДЕСЬ.

– Ты вспомнишь.

– КОГДА?

– Когда перестанешь задавать вопрос как вопрос.

– А КАК?

– Как ответ.

Он замолчал. Вода одобрила.

Костя проверил руки. Все три были на месте. Четвёртой не было. И впервые это не казалось проблемой.

– Эби.

– Да.

– Я что-то вспомнил.

– Что?

– Что у меня нет четвёртой руки.

– Это давно известно.

– Да. Но теперь это нормально.

Она взяла его за руку. Ту, которая не убежала. Та, которая убежала, обиделась. Но осталась. Потому что тут уже было что-то важнее.

Горо смотрел на ведро. Ведро светилось ровно. Внутри слон не играл. Он сидел. И ждал. И это было хуже, чем если бы он играл.

– МАМА САРА.

– Да.

– ОН ТОЖЕ ЖДЁТ.

– Кого?

– НАС. И СЕБЯ.

– Тогда пора.

Она собрала мангал. Мангал не спорил. Это настораживало.

Чайник допел свою песню и сделал вид, что его здесь никогда не было.

Люди на скамейках не прощались. Они не начинали – им нечего было заканчивать.

Они вышли из деревни. Не оборачиваясь. Потому что поняли: те, кто ждёт, не требуют внимания. Они уже получили всё, что им нужно – процесс.

Дорога снова пошла вверх. Горы стали ближе. Или чест-

нее.

Федя сидел на плече Эби.

– ЭБИ.

– Да.

– Я ПОНЯЛ.

– Что?

– ЗАЧЕМ МЫ СЮДА ПРИШЛИ.

– Зачем?

– ЧТОБЫ ПОТОМ РАССКАЗАТЬ. И ЧТОБЫ НАМ НЕ ПОВЕРИЛИ.

Она не ответила. Потому что это был лучший вариант. Впереди были горы. И те, кто ждал. 734 года. Это не ожидание. Это уже привычка, от которой не хочется избавляться. И никто не спешил.

Замрич. Гильдия охотников за нечестью

Гоблин-дежурный сидел перед монитором уже три часа.

Монитор слегка потел. Это случалось, когда происходило что-то международное.

На экране была Индия. Рынок. Шум. Специи.

И одна рука, которая только что оформила временное удостоверение личности и теперь проверяла, не истёк ли у неё срок действия.

– Доложите обстановку, – сказал начальник, появляясь из-за стеллажа с папками.

Стеллаж немного отъехал сам. Он тоже любил слушать отчёты.

– Нечего докладывать, – ответил дежурный.

– Как это «нечего»?

– Они там. Мы здесь. Это уже итог. Остальное – детали и жалобы.

– Какие жалобы?

– Пока никаких. Но они уже формируются.

Начальник подошёл к окну.

Замрич жил своей жизнью. Маршрутки ездили по расписанию, которое не соблюдалось принципиально – как форма протеста против времени. Туман из люков поднимался ровно в шесть вечера и каждый раз удивлялся, что опять попал в график.

На улице кто-то спорил, можно ли считать святую воду газированной, если добавить лимон и веру.

– Закрывайте дело, – сказал начальник.

– Какое?

– «Дракон в Индии».

– Оно ещё не открыто.

– Тогда откройте. Чтобы закрыть. Мы же не варвары.

Дежурный открыл папку. Папка открылась с лёгким вздохом.

Написал:

«Объекты перемещаются. Направление – неопределённое.

Статус – в процессе.

Причина – сели не на тот поезд.

Комментарий: повторяется».

Поставил печать.

Печать была круглая, с надписью:

«ОДОБРЕНО. НО НЕ УТВЕРЖДЕНО. ПОКА ЧТО».

– Этого достаточно? – спросил он.

– Для отчёта – да. Для понимания – нет. Но понимание у нас в архиве. Закрыто до выяснения.

Начальник ушёл.

Стеллаж аккуратно закрылся сам.

На экране слон играл на трубе. Плохо. Но с чувством.

Монитор вздохнул.

Дежурный пошёл пить чай.

Чай был с кардамоном.

Он не знал, что это индийский рецепт.

Но организм уже начал подозревать.

Атлантида-Палас. Лобби

Ася сидела за стойкой регистрации.

Стойка слегка вибрировала – она тоже смотрела стрим.

На экране был рынок. И слон, который только что выиграл партию в карты у самого себя.

– Сёма, – сказала Ася. – Они в Индии.

Сёма вышел из подсобки с кофе.

Бантик на его локте был завязан узлом «это уже не обсуждается».

– А должны были в порт.

– Они сели не на тот поезд.

– Это уже третий раз.

– Третий – это система.

– Четвёртый будет стратегией.

Он поставил чашку. Посмотрел на экран.

Там рука пыталась взять кредит на бананы.

– Думаешь, вернутся? – спросил он.

– Думаю, нет.

– Почему?

– Потому что они никогда не возвращаются. Они просто появляются в другом месте и делают вид, что это возвращение.

– А мы?

– А мы будем делать вид, что не ждём. И это будет видно.

Из коридора вышли мумии. Трое.

Чемоданы больше не сыпали песком – песок ушёл в он-лайн.

Старший посмотрел на экран.

– Они в Индии.

– Откуда вы знаете?

– Песок обновился. Теперь он синхронизируется.

Младший открыл чемодан.

На песке шёл стрим. С задержкой в две вечности.

– Это от них, – сказал он. – Ведро передало. Оно теперь вещает.

– Оно всегда вещало, – сказал старший. – Просто раньше

никто не подписывался.

Мумии ушли.

Бантик на локте Сёмы сам подтянулся.

Сильнее. На всякий случай.

– Ты веришь в ведро? – спросила Ася.

– Я верю в то, что оно уже везде. Остальное – детали.

Море за окном было спокойным.

Слишком спокойным.

Оно явно что-то читало.

Китай. Сауна «Православный пар»

Пар стоял. Потом сел. Потом снова встал – ему было скучно.

Батюшка сидел на лавке.

Терракотовые воины подбрасывали дрова с выражением «мы уже всё видели, но продолжаем».

На экране – рынок. Метла вела идеологическую дискуссию.

– ОНИ В ИНДИИ! – заорал Форшмак.

– Вижу.

– Я ТРЕБУЮ КОМАНДИРОВКУ!

– Зачем?

– ТАМ РЫБА! ТАМ СПЕЦИИ! ТАМ БУДУЩЕЕ!

– А здесь?

– ЗДЕСЬ ПАР! НО Я ХОЧУ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПАР!

Сельдерей выпрямился.

Он был готов к дипломатии.

Батюшка задумался.

Пар задумался вместе с ним.

Один терракотовый воин тоже начал думать и сразу устал.

– Откроем филиал, – сказал батюшка. – Если они не сло-

мают концепцию.

– А ЕСЛИ СЛОМАЮТ?

– Тогда назовём это реформой.

– Я ЗА!

– Я тоже, – сказал сельдерей. Впервые.

Батюшка перекрестился.

Пар перекрестился за компанию.

Никто не понял, зачем, но стало спокойнее.

Мексика. Пирамида дяди Толи

Дядя Толя смотрел стрим.

Телефон немного нагрелся – Индия была близко.

– Клавдия, они в Индии.

– И что?

– Это далеко.

– Для них – нет.

Кактус на плече показал колючкой сразу в три стороны.

Он не определился.

– Думаешь, они помнят? – спросил Толя.

– Помнят.

– Тогда почему не возвращаются?

– Потому что ещё не закончили теряться.

Он задумался. Выпил текилу.

– Логично.

Кактус кивнул.

Один раз – за логику. Второй – за текилу.

Канализация Замрича. Труба номер семнадцать
Труба была тёплая.

Сегодня она была даже немного заинтересована.

Сергеич сидел. Белочка – на плече.

Орех – в процессе принятия решения.

– Думаешь, вернутся?

Белочка цокнула.

– А если нет?

Белочка цокнула громче.

Орех треснул. Это был аргумент.

– Может, съездим?

Белочка замерла.

– Не сейчас. Мы – второй эшелон абсурда.

Труба одобрительно загудела.

Она любила эшелоны.

– Но если что – я открываю портал.

Белочка кивнула.

Орех согласился окончательно.

Атлантида-Палас. Кухня

Абрам Моисеевич смотрел стрим.

Но уже без звука.

Он слушал смысл.

– Они дошли, – сказал он.

– До чего?

– До места, где время забыли и не вернули.

Сардина налила чай.

– Ты волнуешься?

– Нет. Я инвестирую ожидание.

– Это одно и то же.

– Нет. Волнение – это риск. Ожидание – это стратегия.

Он отпил чай.

– Они вернуться.

– Откуда?

– Оттуда, где им станет слишком интересно.

Он выключил телефон.

Экран ещё секунду светился сам.

Гринвольд. Центральный офис

Карта мира мигала.

Индия больше не была точкой. Она была процессом.

– Что там? – спросил начальник.

– Они, – сказал бухгалтер.

– Это проблема?

– Нет. Это тренд.

– Зафиксируйте.

Бухгалтер написал:

«Повторяющееся отклонение маршрута признано методом.

Название: «Сесть не туда и попасть туда, куда надо».

Статус: рабочий».

Поставил печать:

«ОДОБРЕНО. НО НЕ ОБЪЯСНЕНО. И НЕ НУЖНО».

– А если спросят?

– Скажите, что это инновация.

Без инструкции.

Поэтому работает.

Карта мигнула.

Добавилась ещё одна точка.

– Они размножаются? – спросил начальник.

– Нет, – сказал бухгалтер. – Они просто становятся заметнее.

Он сделал паузу.

– Это хуже.

ГЛАВА 2

Дорога шла вверх. Она не петляла, не упиралась, не искала лёгких путей – она уже когда-то всё это попробовала и теперь просто шла, как человек, который давно принял решение и больше не обсуждает. Иногда казалось, что это не они идут по дороге, а дорога аккуратно поднимается под них, чтобы не создавать лишних трудностей. Камни на обочине были старые. Не просто старые – они помнили, когда здесь не было дороги, и до сих пор не решились, правильно ли было её вообще прокладывать. Один камень чуть перекатился, когда они проходили. Не из вредности – поправился. Другой сделал вид, что не заметил, но заметил.

– ЭБИ, А ПОЧЕМУ КАМНИ МОЛЧАТ?

– Они не молчат. Они слушают.

– А ЧТО ОНИ СЛЫШАТ?

– Нас. Себя. И то, что мы ещё не сказали.

Федя посмотрел на камень. Камень посмотрел на него. Они договорились не продолжать. Горо шёл с ведром. Ведро светилось ровно, спокойно, как будто знало ответ, но решило посмотреть, сколько им понадобится времени, чтобы догадаться. Горо заглянул внутрь. Слон не двигался. Он сидел и смотрел вперёд, как будто уже видел следующий поворот дороги и слегка разочаровался.

– МАМА САРА, ОН НЕ ДВИГАЕТСЯ.

– Кто?

– СЛОН. ОН ПРОСТО СМОТРИТ.

– Слоны умеют смотреть.

– ОН СМОТРИТ ТУДА, КУДА МЫ ИДЁМ. КАК БУДТО

УЖЕ БЫЛ.

Мама Сара посмотрела на ведро. Ведро на секунду стало ярче, как будто его задело. Мангал тихо звякнул – это был звук осторожного согласия.

– Не знаю, но если он уже был – значит, мы немного опаздываем.

– А ЕСЛИ ОПАЗДЫВАЕМ – ЗНАЧИТ, УЖЕ ОПОЗДАЛИ?

– Или уже пришли и просто не поняли.

Они поднимались выше. Воздух становился тоньше, но не потому что его было меньше – потому что он переставал притворяться. Горы не давили. Они слушали. Иногда казалось, что они слегка наклоняются, чтобы лучше расслышать. Один склон даже тихо кашлянул, но тут же сделал вид, что это эхо. Федя сидел на плече Эби и не пытался летать – он понял, что здесь летать не обязательно, здесь и так всё двигается куда нужно.

– ЭБИ.

– Да.

– А ЙОГИ – ОНИ СТРАШНЫЕ?

– Нет.

– А ПОЧЕМУ ВСЕ ИХ БОЯТСЯ?

– Потому что они не реагируют. Люди боятся тех, кто не торопится.

– ЭТО НЕВЕЖЛИВО.

– Это честно.

Федя решил пока никого не бояться. На всякий случай. Тропа привела их к камню. Камень был огромный, с трещинами, которые сначала выглядели случайно, потом – как текст, а потом – как предупреждение, которое никто не захотел читать. На камне сидел человек. Он не медитировал, не отдыхал – он просто был здесь дольше, чем всё остальное, и это чувствовалось. Глаза открыты, но казалось, что он смотрит не на них, а на то, как они будут вспоминать эту встречу позже.

Костя проверил руки. Все три были на месте. Четвёртой не было, но она, похоже, наблюдала дистанционно. Рука из кармана высунулась, посмотрела на йога и показала большой палец. Йог слегка кивнул. Не руке – самому факту.

– Она одобряет.

– Она давно одобряет.

– Вы её знаете?

– Она приходила раньше. Без вас.

Костя замолчал. Рука тоже. Это было неожиданно и немного обидно. Йог перевёл взгляд на ведро. Ведро на секунду погасло и сразу включилось обратно, как будто его поймали на мысли.

– Вы пришли.

– Пришли.

– Рано.

– Рано?

– Обычно позже. Но в этот раз вы сели не туда. Мы это учитываем.

– Вы знаете?

– Мы ведём наблюдение. Третий раз подряд – это уже стиль.

Он чуть улыбнулся. Это была улыбка человека, который не вмешивается, потому что эксперимент стал интереснее без него.

– Долго шли?

– Не считали.

– Хорошо. Счёт мешает. Он создаёт иллюзию контроля, а потом разочаровывает.

Он посмотрел на Горо.

– Ты часто смотришь в ведро.

– ДА.

– Перестань.

– ПОЧЕМУ?

– Потому что оно начнёт смотреть в тебя.

Горо аккуратно закрыл ведро. Ведро тихо хмыкнуло, как будто запомнило.

– Вы знаете, что там?

– Знаю, чего там нет.

– А что есть?

– Лишнее. И нужное. Иногда это совпадает.

Он посмотрел на всех сразу. Камни тоже перестали слушать и начали ждать.

– Вы идёте правильно.

– Куда?

– Это вы узнаете позже. Мы проверяем только направление. Смысл – это уже ваша ответственность.

Пауза. Даже воздух немного задержался.

– Идите дальше. Они выше. Ждут. И делают вид, что нет.

– А вы?

– А я здесь.

– Почему?

Йог посмотрел на камень под собой. Камень чуть заметно согласился.

– Потому что кто-то должен быть первым, кто скажет: «Вы уже опоздали, но это нормально».

– Сколько вы здесь?

– Семьсот тридцать четыре года. И ещё один день, который я не учитываю – он был странный.

– Почему вы ждёте?

– Я не жду. Я уже дождался. Теперь просто подтверждаю.

Он закрыл глаза. Но ощущение было такое, что он стал видеть больше. Федя подлетел ближе, завис и посмотрел.

– ЭБИ, ОН НАС ВИДИТ?

– Да.

– НО ГЛАЗА ЗАКРЫЛ.

– Потому что ты уже в памяти. Дальше смотреть не обязательно.

Федя завис ещё секунду и решил не проверять. Они пошли дальше. Тропа стала уже, горы – ближе, или просто начали обращать внимание. Гора нёс ведро. Ведро снова светилось. Внутри слон сидел и теперь едва заметно кивнул.

– МАМА САРА.

– Да.

– ОН КИВНУЛ.

– Значит, мы сделали что-то правильно.

– А ЧТО?

– Пока не знаю. Но это уже не важно.

Впереди было дерево. Огромное, раскидистое, с корнями, которые держали не только землю, но и пару решений, о которых никто не хотел вспоминать. Под деревом сидел второй йог. И он уже улыбался. Дерево было старым. Не просто старым – оно помнило времена, когда йоги спорили по вечерам, выигрывали, проигрывали, обижались, мирились и снова спорили, пока не поняли, что спор – это тоже форма сидения, только с лишними словами, и перестали. С тех пор дерево слушало всё. Корни уходили в землю так глубоко, что держали не только эту гору, но и соседние, пару забытых решений, один несостоявшийся апокалипсис и чью-то клятву «начать с понедельника». Ствол был широкий, в трещинах, которые выглядели как карта дорог, которые никто не построил, но все уже прошли. Листья шумели не от ветра –

от привычки помнить. Под деревом сидел человек. Он был похож на первого йога, как тишина похожа на другую тишину: отличий нет, но разница чувствуется. Та же поза, та же одежда, та же уверенность, что время – это рекомендация, а не приказ. Но он улыбался. Спокойно. Не потому что смешно. Потому что совпало. Федя подлетел ближе, завис и посмотрел.

– ЭБИ, ОН УЛЫБАЕТСЯ.

– Да.

– ПОЧЕМУ?

– Потому что мы пришли.

– А ЭТО СМЕШНО?

– Это вовремя.

Йог смотрел на них долго, как смотрят на старую историю, которую рассказывают новыми словами и всё равно узнают.

– Вы пришли, – сказал он.

– Пришли, – сказала Эби.

– Вы устали?

– Немного.

– Это хорошо. Усталость – это квитанция. Значит, вы были в пути. Многие приходят без неё.

Он посмотрел на ведро. Ведро светилось ровно, как бухгалтерия космоса, в которой всё сходится, но никто не понимает как.

– Хорошее ведро. Оно не устало. Потому что не знает, куда идёт. Это высший уровень логистики.

– Вы знаете, что там? – спросил Горо.

– Знаю. Но если скажу, ведро обидится и перестанет быть ведром. Станет инструкцией. А инструкции не светятся.

Горо тихо моргнул ведром, как будто согласился и одновременно записал это в протокол.

– А вы знаете, куда мы идём? – спросил Степан.

– Знаю. Но это не важно.

– Почему?

– Потому что вы всё равно придёте. Или не придёте. Разница только в том, будете ли потом уверенно рассказывать, что «так и планировали».

Йог перевёл взгляд на папу Изю, который держал газету вверх ногами.

– Ваша газета врёт.

– Знаю.

– И вы её читаете?

– Она трёхмесячная. Это уже не враньё. Это архив чувств.

– Хорошо. Архив – это когда правда устала спорить и легла отдохнуть.

Он посмотрел на Костю. На руки. На ту, что в кармане. На ту, что указывала на дерево. На ту, что делала вид, что она нормальная.

– Вы пришли с запасными.

– Они не запасные. Они самостоятельные.

– Самостоятельные – это те, кто уходит без разрешения и возвращается без объяснений.

– Тогда да. Это лучше. Значит, вы не один.

Рука из кармана высунулась, показала два больших пальца. Йог кивнул ей, как старому партнёру по терпению. Мама Сара поставила мангал. Мангал зашипел. Дерево на секунду замерло. Листья перестали шуметь и стали слушать ещё внимательнее.

– Я рыбу хочу пожарить, – сказала мама Сара. – Вы не против?

– Дерево говорит, что не против. Оно давно не чувствовало запаха жизни, который не обсуждают, а едят.

– А вы?

– Я не ел семьсот тридцать четыре года.

– Это вредно.

– Это традиция.

– Традиции надо иногда кормить, – сказала мама Сара. – Иначе они начинают есть тебя.

Йог улыбнулся шире.

– Вы правы. Но не сегодня. Сегодня вы идёте дальше. А еда будет на обратном пути. Она уже там. Просто вы ещё не вернулись.

Мангал вздохнул. Не разочарованно – от уважения к сюжету. Мама Сара убрала рыбу. Рыба согласилась подождать. Федя сел на корни. Корни были тёплые.

– ЭБИ.

– Да.

– А ОНИ ЗДЕСЬ ДОЛГО?

– Семьсот тридцать четыре года.

– А ОНИ НЕ ХОТЯТ ЕСТЬ?

– Хотят.

– НО НЕ ЕДЯТ.

– Ждут.

– ЧЕГО?

– Когда желание перестанет быть главным.

– ЭТО ДОЛГО?

– Это уже произошло. Просто они ещё сидят.

Мэри достала айфоны. Призраки внутри молчали. Йог посмотрел на Федю.

– Ты не чихаешь.

– УЧУСЬ.

– Это первый шаг.

– А ВТОРОЙ?

– Не учиться.

– А ТРЕТИЙ?

– Не спрашивать про второй.

– А ЧЕТВЁРТЫЙ?

– У тебя нет четвёртого.

Степан подошёл ближе.

– А философский камень существует?

– Существует.

– Где?

– Там, где две воды спорят, какая из них настоящая, и обе проигрывают.

– Это далеко?

– Для вас – нет. Вы уже почти там.

– Он делает золото?

– Он делает паузы. Золото – это побочный эффект, когда люди не выдерживают тишину.

Эби посмотрела на йога.

– А кровь? Настоящая. Древняя.

– Есть. В храме, где руки помнят больше, чем лица.

– Это далеко?

– Для вас – близко. Вы уже на пути, который не признаёт расстояний.

Горо сидел с ведром. Ведро светилось чуть ярче. Внутри слон смотрел на дерево.

– МАМА САРА.

– Да.

– А ДЕРЕВО ТОЖЕ ЖДЁТ?

– Все ждут.

– А ПОЧЕМУ НЕ ГОВОРЯТ?

– Потому что когда говоришь «жду», это уже не ожидание.

Это реклама.

Йог поднял руку. Не благословляя. Останавливая лишние слова.

– Идите. Они выше. В пещере. Там, где время не остановилось – оно вышло покурить и не вернулось.

– А вы? – спросил Костя.

– А я останусь. Кто-то должен рассказывать дереву, что

вы прошли.

Федя сел на плечо Эби.

– ЭБИ.

– Да.

– ОН СКАЗАЛ, ЧТО МЫ ВЕРНЁМСЯ.

– Да.

– А Я ХОЧУ ВЕРНУТЬСЯ.

– Это и есть дорога обратно.

– ОН ТОЖЕ ЗНАЛ?

– Он знал до того, как ты захотел.

Впереди открывался вход в пещеру. Оттуда шло ожидание. Горо шёл с ведром. Ведро светилось. Внутри слон кивнул и улыбнулся.

Пещера была неглубокой. В неё можно было войти, не нагибаясь, и это уже казалось подозрительным. Темнота слушала и иногда подмигивала, словно проверяя, все ли взяли с собой носки. В центре сидели трое йогов. Больше их было когда-то, но пришёл один бог. Или не бог. Или переодетый торговец с Гималаев, который просто хотел проверить, купят ли у него воздушные шарики. Купили. И больше не возвращались.

Трубка в руках одного йога выглядела так, будто сама могла закурить человека. Они затянулись дымом, который пах не табаком, а самыми воспоминаниями о несделанных делах.

Первый йог тихо хихикнул. Второй – громче. Третий открыл один глаз, посмотрел на них, закрыл и хихикнул так,

что хихикнул даже слон внутри ведра. Да, слон. Слон там действительно был, сидел, смотрел и иногда моргал хоботом, как будто проверял, правильно ли подан свет.

– Вы чего? – спросил Степан.

– Ничего, – сказал первый. – Просто совпало.

– Что совпало?

– Всё.

Федя завис рядом. Йоги смотрели на него глазами, которые видят не тебя, а то, как ты будешь выглядеть в воспоминаниях, когда пещера захочет рассказать анекдот.

– ОНИ... ОНИ СМЕЮТСЯ?

– Нет, – сказала Эби. – Они просто в состоянии.

– В КАКОМ?

– В состоянии «ха-ха, всё равно ничего не понятно».

– ЭТО БЫВАЕТ?

– Сейчас – да.

Первый йог посмотрел на Эби, хихикнул, потом на Костю – хихикнул громче, на руку Кости, которая показывала на потолок, – хихикнул так, что рука начала пытаться танцевать ламбаду сама по себе.

– Хорошая рука, – сказал он. – У неё свой маршрут.

– Она иногда убегает, – сказал Костя.

– Это не побег. Это экспедиция.

Рука показала два больших пальца. Йог хихикнул. Второй – тоже. Третий открыл один глаз, посмотрел на руку и хихикнул, будто видел комедию года.

Мама Сара поставила мангал. Мангал зашипел так, будто обиделся, что его не пригласили на чай. Йоги переглянулись.

– Это что? – спросил первый.

– Мангал.

– А он... живой?

– Вопрос открытый.

– Он шипит.

– От уважения.

Первый йог посмотрел на мангал, мангал на него. Хихикнули синхронно. Мангал зашипел громче, словно сказал: «Я тоже в состоянии».

Мама Сара достала рыбу.

– Я хочу пожарить. Вы не против?

– Мы не едим, – сказал второй йог.

– Я знаю.

– Семьсот тридцать четыре года.

– Это вредно.

– Это принцип.

– Принципы иногда надо кормить, – сказала мама Сара. –

Иначе они начинают есть вас.

Йоги замерли. Первый хихикнул. Второй – тоже. Третий открыл оба глаза и сказал:

– Она права.

Рыба легла на мангал, который тихо вздохнул. Слон в ведре прыснул через хобот. Первый йог взял рыбу, понюхал, улыбнулся и хихикнул.

– Можно? – спросил он.

– Для этого и жарят.

Он откусил. Жевал медленно. Глаза закрылись, открылись, посмотрел на рыбу, потом на маму Сару.

– Я... я помню.

– Что?

– Вкус. Забыл, что он существует.

Второй йог протянул руку. Третий – тоже. Ели медленно, иногда хихикали, иногда замирали, иногда смотрели на потолок, где висела летающая чайная ложка, махавшая рукой в знак поддержки.

– ЭБИ.

– Да.

– ОНИ ЕДЯТ И СМЕЮТСЯ.

– Это от счастья.

– А они знают, от чего?

– Неважно.

Рыба закончилась. Йоги облизывали пальцы, смотрели в потолок, иногда хихикали. Первый йог замер, посмотрел на маму Сару, на свои руки, снова на маму Сару.

– Слушай, – сказал он. – А нет у тебя минералочки? На хавчик пробивает.

– Да! И халвы. Белой. С орешками.

– Или с изюмом. Я не привередливый.

Мама Сара достала пакетик белой халвы, чуть примятой, но с достоинством, и бутылку обычной воды.

– Минералка кончилась ещё в Китае, – сказала она. – Но эта тоже хорошая.

Первый йог взял халву, понюхал, улыбнулся, отломил кусочек и положил в рот.

– Ооооо, – сказал он. – Ништяк.

Второй йог посмотрел на него.

– Он ушёл? – спросил он у третьего.

– Похоже.

– В нирвану?

– Вроде.

– А она его ждала?

– Нирвана? Она уходила триста лет. Но сладкое заставило вернуться.

Первый йог сидел с закрытыми глазами, улыбался, иногда хихикал.

– Это хорошо? – спросил Федя.

– Идеально, – сказал третий. – Когда нирвана уходит, неприятно. Когда возвращается из-за халвы – это уже любовь.

Второй йог отломил половину оставшейся халвы третьему. Слон в ведре пытался откусить маленький кусочек тоже.

– А минералка?

– Кончилась, – сказала мама Сара.

– Жалко. Но халва всё исправила.

Первый йог сидел с открытым ртом. Вторым – с закрытыми глазами. Третий – смотрел на них и улыбался.

– Они там? – спросил Степан.

– Там, – сказал третий. – Там, где сладко.

– А вы?

– А я здесь. Кто-то должен встречать.

Он взял бутылку, отпил, улыбнулся.

– Хорошая вода. Из-под крана или из источника – какая разница. Главное – что есть.

Закрыв глаза. Стал тише.

– ЭБИ.

– Да.

– ОНИ... ОНИ СПЯТ?

– Нет. Они в нирване.

– А ЭТО БОЛЬНО?

– Это вкусно.

– Я ТОЖЕ ХОЧУ.

– Потом. Сначала – дорога.

Они вышли наружу, к свету, к реке, к храму. Внутри трое сидели. Улыбались, иногда хихикали, иногда дышали. Мангал шипел, слон махал хоботом, чайная ложка кружила по потолку. Первый йог открыл один глаз, посмотрел на пустой пакетик из-под халвы, закрыл.

– Хорошо посидели, – сказал он. – И ушёл обратно. В нирвану. Которая на этот раз не собиралась убежать.

Они вышли из пещеры и остановились.

Свет был не ярким – он был правильным. Не слепил, не давил, не требовал ничего. Просто был. Как будто кто-то

забыл выключить лампочку, но лампочка не обиделась. Она просто лежала в воздухе и делала вид, что так и надо. Горы стояли тихо. Не слушали. Не ждали. Просто стояли. И этого было достаточно.

Федя сидел на плече Эби. Он не летел. Не потому что не мог – потому что не захотел. Впервые за долгое время ему было хорошо просто сидеть. Как коту, который наконец понял, что весь мир – это диван. И что на этом диване можно спать, можно точить когти, можно ловить лапой солнечных зайчиков, а можно просто лежать и смотреть, как кто-то другой бегаёт за лазерной указкой.

– ЭБИ.

– Да.

– А ОНИ ВСЁ ТАМ БУДУТ СИДЕТЬ?

– Наверное.

– А ЕСЛИ ИМ СТАНЕТ СКУЧНО?

– Им не станет.

– ОТКУДА ЗНАЕШЬ?

– У них есть халва. Трубка. И они вспомнили, что еда – это тоже философия. А философия – это когда можно долго сидеть и не объяснять, зачем.

Федя задумался. Ему казалось, что он почти понял. Или не понял. Но это не важно. Важно было то, что теперь он знал: можно сидеть. И это не лень. Это – другая форма движения. Более хитрая. Потому что когда ты сидишь, никто не ждёт, что ты куда-то придёшь. А ты уже пришёл. Просто

не заметил.

Дорога шла вниз. Не круто, не полого – просто вниз. Как будто горы решили, что с них хватит величия, и теперь можно просто опускаться. Камни на обочине больше не слушали. Они лежали и строили собственные планы на пенсию. Один камень уже присмотрел место под пальмой. Другой собирался заняться вязанием. Третий просто хотел тишины и чтобы никто не катился.

Горо шёл с ведром. Ведро светилось ровно. Внутри слон сидел и смотрел вперёд. Он больше не кивал, не подмигивал, не пытался откусить халву. Он просто был. И это было правильно.

– МАМА САРА.

– Да.

– ОН ПЕРЕСТАЛ СВЕТИТЬСЯ.

– Нет. Он стал светиться ровнее.

– А РАЗНИЦА ЕСТЬ?

– Когда светится ярко – хочет сказать. Когда ровно – уже сказал.

Горо кивнул. Ему этого было достаточно. Ведро тоже кивнуло. У него получалось хуже – оно просто качнулось и чуть не упало. Но старание было видно. Слон внутри одобрительно пошевелил хоботом.

Папа Изя шёл сзади. Газета сложена в карман. Он её не читал. Не потому что не хотел. Потому что сейчас не нужно было знать, что пишут. Он и так знал: «Всё будет хорошо.

Или нет. Какая разница». Газета внутри кармана тихо вздохнула. Она привыкла, что её читают. Но она была трёхмесячной. Она умела ждать.

Степан и Мэри шли рядом. Молча. Айфоны в сумке не светились. Призраки внутри молчали. Они тоже поняли. сейчас не время спорить. Один призрак попытался открыть рот, но другой зажал ему рот виртуальной рукой. «Потом, – прошептал он. – Сейчас – тишина».

– Ты думаешь, он существует? – спросила Мэри.

– Что?

– Философский камень.

– Йоги сказали – да.

– А если они просто были в состоянии?

– Состояние иногда виднее правду. Когда человек пьян, он говорит то, что думает. Когда йог в состоянии, он говорит то, что есть. Разница только в том, что йог не просит добавки.

Мэри кивнула. Призраки внутри айфонов задумались. Один даже попытался записать эту мысль, но забыл, где у него блокнот. Второй сказал: «Я запомню». Третий: «Ты всегда так говоришь. А потом забываешь». Второй обиделся. Но спорить не стал. Тишина была важнее.

Костя шёл, проверял руки. Все три были на месте. Четвёртой не было. Но она больше не требовалась. Рука из кармана высунулась, показала большой палец. Потом подумала и показала два. Потом замерла, как будто вспоминала, сколько их всего.

– Она сказала, что всё правильно, – перевёл Костя.

– Она всегда так говорит.

– Но сейчас была честна.

– Откуда знаешь?

– Она показала два пальца. Два – это уже статистика.

Один – может быть случайностью. Два – это система.

Эби взяла его за руку. Ту, что не убежала. Та, что убежала, не обиделась. Она поняла. Иногда можно убежать. Но важно вернуться. И не объяснять, зачем.

Внизу показалась река. Она не текла – лежала. Устала быть рекой. Решила быть водой. Или чем-то между водой и вечной философией. Вода была мутной, но в этой мути чувствовалась глубина. Не та, что измеряется метрами. Та, что измеряется веками. И иногда – терпением.

– Это Ганг? – спросил Степан.

– Это он, – сказала Эби.

– Он не течёт.

– Он ждёт.

– Чего?

– Когда его спросят правильно. Не «как дела?». Не «почему ты такая мутная?». Не «можно ли купаться?». А – правильно.

Степан хотел спросить, что значит «правильно», но передумал. В такой воде купаться – это как спорить с йогом о расписании. Можно, но зачем. Вода сама решит, когда её спрашивать.

Федя прыгнул с плеча. Подошёл к воде. Вода посмотрела на него. Не как на туриста. Как на того, кто уже был здесь. Или будет. Или просто подумал об этом. В Индии этого достаточно.

– ЭБИ.

– Да.

– ОНА СМОТРИТ.

– Вода всегда смотрит.

– НО ОНА СМОТРИТ НА МЕНЯ.

– Значит, у неё есть вопрос.

– КАКОЙ?

– Не знаю. Но она его задаст. Когда будет готова.

– А ЕСЛИ ОНА НЕ ЗАХОЧЕТ?

– Тогда вы будете просто смотреть. Это тоже разговор. Только без слов. Он длится дольше. Но и результат надёжнее.

Федя сел на камень. Камень был тёплый. Или просто знал, что сейчас это нужно. Вода рядом с ним чуть дрогнула. Не волна – ожидание.

Мама Сара поставила мангал. Мангал зашипел. Не «я хочу жарить». Не «я здесь, если понадобится». А – «я понял. Я жду. У меня тоже есть терпение. Я же мангал».

– Рыбу будем? – спросил Горо.

– Потом, – сказала мама Сара. – Сначала – разговор.

– С КЕМ?

– С водой.

Горо посмотрел на реку. Река посмотрела на него. Ему по-

казалось, что она чуть-чуть приподнялась. Или просто обозначила, что заметила.

– ОНА РАЗГОВАРИВАЕТ?

– Когда её слушают.

– А СЕЙЧАС СЛУШАЮТ?

– Сейчас – да.

На берегу стало тихо. Даже камни перестали быть камнями. Они стали слушателями. Один камень, который планировал вязание на пенсии, решил, что может подождать. Другой, который присмотрел место под пальмой, отложил переезд. Тишина была важнее.

И вдруг Горо заметил.

– МАМА САРА, – сказал он. – ТАМ КУСТЫ ШЕВЕЛЯТСЯ.

– Кусты всегда шевелятся.

– ЭТИ ШЕВЕЛЯТСЯ, КАК БУДТО ЗНАЮТ, ЧТО МЫ ЗДЕСЬ.

– Потому что знают. Кусты в Индии знают всё. Просто не всегда говорят. А когда говорят – сначала шевелятся. Это вежливость.

Из кустов выдвинулся ларек. Старый. Деревянный. С надписью, которая когда-то была красной, а теперь стала философской.

«МИНЕРАЛКА. ХАЛВА. ПЕПСИ. НАСТОЯЩЕЕ. НЕ НАСТОЯЩЕЕ. НО ВКУСНОЕ»

Мелким шрифтом, как будто кто-то стеснялся своей важ-

ности:

«Доставка в любую точку пространства. Время ожидания – от минуты до вечности. Оплата – карма, улыбка или что-нибудь вкусное. Кредит не даём. Карма не та».

За прилавком стоял человек. Он был похож на того чайвалу с платформы. Или на того старика с пустым прилавком. Или просто на того, кто всегда там, где кому-то что-то нужно. И кто никогда не удивляется.

– Здравствуйте, – сказал он. – Вы к воде?

– Мы к воде, – сказала Эби.

– Тогда успеете. Она никуда не денется. Вода – это терпение. Иногда – вода. Но чаще – терпение.

Он посмотрел на пещеру, откуда они пришли. Посмотрел так, будто видел сквозь камни. Или сквозь время.

– А там... там ещё кто-то есть?

– Есть, – сказала Эби. – Трое. Сидят.

– Сидят?

– Да. Уже семьсот тридцать четыре года.

– О, – продавец кивнул. – Я их знаю. Они брали халву. В прошлом тысячелетии. Белую. С фисташками. Я тогда сказал: «Возьмите две, будет запас». Они взяли одну. Сказали: «Запас – это когда есть куда складывать. А у нас только пещера». Я до сих пор помню. Торговец должен помнить своих клиентов. Даже если они не помнят себя.

Он заглянул под прилавок. Пошарил. Достал пыльную коробку. Пыль на ней была не простая – она была та, которая

помнила.

– Белая. С фисташками. Они любили такую.

– Мы им отдали, – сказала мама Сара. – Они сейчас в нирване.

– Из-за халвы?

– Из-за халвы.

Продавец кивнул, удовлетворённо. Даже как-то по-свойски, будто это он её продал, будто это была его заслуга.

– Хорошая халва. Правильная. Я её у одного мастера брал. Он уже не делает. Ушёл в просветление. Говорит: «В просветлении нет халвы». А я говорю: «Тогда какое это просветление?» Мы не договорились. Но халва была хорошая.

Он уже собирался закрывать ларек, но Эби остановила его.

– Слушайте. У вас есть минералка?

– Есть. Обычная, газированная, лечебная, лечебно-столовая, столовая, и одна – которая помнит, как выглядела планета до изобретения колёс. Её не пьют. Её слушают. Она шипит, когда вспоминает.

– Нам нужно... – Эби задумалась. – Четыре упаковки. Боржомом тоже возьмите.

– Четыре упаковки? Вы куда? В экспедицию?

– В пещеру. К йогам.

– К тем, которые сидят?

– К тем.

Продавец посмотрел на пещеру. Посмотрел на воду. По-

смотрел на ведро, которое светилось чуть ярче. Улыбнулся.

– Доставка будет. Но быстро не обещаю. В пещеру дорога не ближняя.

– А быстрая?

– Быстрая – через карму. Но там комиссия. Карма, она такая – берёт своё. Может, вы потом кому-то поможете. Может, просто так. Может, уже помогли и ещё не знаете.

Эби посмотрела на него. Секунда молчания. Потом продавец кивнул.

– Ладно. Для таких – быстрая. Но вы потом расскажете, как они там, с минералкой. Я за них переживаю. Семьсот тридцать четыре года сидят, а я всё забываю спросить, не нужна ли им вода. То рынок, то заказ, то карма не та.

Он хлопнул в ладоши. Из-под прилавка вылез маленький человечек. Или не человечек. Или просто тот, кто умеет бегать быстрее мыслей. У него были длинные руки, короткие ноги и лицо человека, который уже всё видел, но всё равно соглашался.

Человечек посмотрел на пещеру. Посмотрел на упаковки. Посмотрел на продавца.

– Боржом есть? – спросил он.

– Есть. Одна бутылка. Осталась с прошлого века. Я её берёг для особого случая.

– Это особый случай?

– Они сидят семьсот тридцать четыре года. Если это не особый случай, то что тогда?

Человечек подумал. Кивнул.

– Тогда возьму две. На случай, если они решат поделить-ся. Или если по дороге захочется.

Он схватил упаковки. Четыре упаковки минералки. Одна бутылка боржоми. Всё это было больше его, но он держал так, будто носил такие вещи каждый день. Исчез. Быстрее, чем можно было подумать. Быстрее, чем можно было заметить. Просто – был, и нет.

Продавец посмотрел на Эби.

– Дойдёт.

– Вы уверены?

– Он из тех, кто всегда доходит. Даже когда не надо. Один раз доставил заказ в прошлую жизнь. Клиент был удивлён. Но оплатил.

Он улыбнулся. И добавил:

– А вы не переживайте. Йоги – выносливые. Семьсот тридцать четыре года сидели – ещё немного посидят. Минералка им не мешает. От долгого сидения ноги затекают. И душа иногда. А боржоми – это не просто вода. Это напоминание. Что есть места, где вода помнит вкус земли. И что иногда можно просто пить. И не думать.

Он закрыл ларек. Кусты сомкнулись. Продавец исчез. Осталась только табличка, которая теперь висела в воздухе. Она была деревянная, с выжженными буквами. И она не падала.

«ДОСТАВЛЕНО. ПРИЯТНОГО ОЖИДАНИЯ»

Федя смотрел на место, где был ларек. Смотрел долго. Потом перевёл взгляд на табличку. Потом на воду.

– ЭБИ.

– Да.

– А ОН БЫЛ?

– Был.

– ИЛИ НЕ БЫЛ?

– Не важно. Важно, что минералка доедет.

– А ОНИ ЕЁ ПОЛУЧАТ?

– Получат. Им теперь будет с чем сидеть.

– А МЫ?

– А мы будем ждать.

– ДОЛГО?

– Не знаю. Но теперь мы знаем: можно сидеть. И это – не лень. Это другая форма движения.

Горо подошёл к ведру. Заглянул. Слон кивнул. Не как раньше – слегка, едва заметно. Как будто говорил: «Да. Всё правильно. Я же говорил».

– МАМА САРА.

– Да.

– СЛОН ГОВОРИТ, ЧТО ВСЁ ПРАВИЛЬНО.

– Слоны не говорят.

– ЭТОТ ГОВОРИТ.

– Значит, он знает больше нас.

Вода на берегу чуть дрогнула. Не волна – подтверждение. Федя сидел на камне. Смотрел. Ждал. Ему не было скучно.

Ему было интересно – что она скажет. Или не скажет.

– ЭБИ.

– Да.

– А МЫ ТОЖЕ БУДЕМ ЖДАТЬ?

– Мы уже ждём.

– ДОЛГО?

– Не знаю. Но теперь мы знаем: можно сидеть. И это – не лень. Это другая форма движения. Более хитрая. Потому что когда ты сидишь, ты уже там, куда шёл. Просто не заметил.

Она села рядом. На камень. Камень был тёплый. Или просто знал, что сейчас это нужно.

Вода стояла. Ждала. Минералка ехала в пещеру. Йоги скоро получат боржоми. И это будет идеально. Потому что идеально – это когда всё совпало. А здесь всё совпало. Вода, камень, халва, минералка, йоги, которые сидят, и те, кто сидит рядом с ними, но пока не знает, что тоже сидят. И что это – правильно.

Замрич. Гильдия охотников за нечестью

Гоблин-дежурный сидел перед монитором. На экране была Индия. Берег Ганга. Тишина. И один дракон, который смотрел на воду уже три часа. Иногда он моргал глазами одновременно – чтобы ускорить течение.

– Доложите обстановку, – сказал начальник, появляясь из-за стеллажа. Он нес на голове шляпу с пропеллером.

– Они ждут.

– Кого?

– Воду. Или ответ. Или просто сидят. Я уже не уверен.

Начальник подошёл к окну. Замрич жил своей жизнью. Маршрутки ездили, останавливались, спорили, можно ли считать ожидание действием.

– Они там уже три часа?

– Да.

– А вода?

– Стоит. Иногда мигает.

– Не течёт?

– Нет. Она ждёт, пока Федя чихнёт, чтобы понять смысл жизни.

Начальник задумался. Потом кивнул.

– Пусть стоит. Вода имеет право. Мы тоже иногда стоим. Особенно в понедельник.

Он ушёл. Дежурный остался. На экране Федя чихнул. Маленькая искра улетела в небо и попала в очки дракона. Дежурный записал в журнал:

«Дракон чихнул. Вода не двинулась. Ожидание продолжается. Очки дракона слегка обжарились».

Он поставил печать, пошёл пить чай с привкусом нирваны.

Атлантида-Палас. Лобби

Ася сидела за стойкой. На экране телефона был берег Ганга. Вода стояла. Федя сидел на камне, Эби рядом, оба пыта-

лись не смеяться.

– Сёма, – сказала она. – Они там до сих пор.

– Ждут?

– Ждут.

Сёма вышел из подсобки. Бантик на локте был завязан узлом «вода не торопится». Иногда бантик шептал советы по философии ожидания.

– А Ганг?

– Не течёт.

– Может, она обиделась?

– На кого?

– На всех. На туристов. На богов. На то, что её всё время просят, а никто не спрашивает, как она.

Сёма подумал.

– Это справедливо.

Из коридора вышли мумии. Трое. Чемоданы в руках. Песок внутри не сыпался – он тоже ждал.

– Они всё ещё там? – спросил старший.

– Да.

– А вода?

– Стоит. Иногда моргает.

– Правильно, – сказал старший. – Вода должна отдыхать.

Мы тоже отдыхали. Две тысячи лет. Ничего, привыкли.

Бантик на локте Сёмы завязался в узел «терпение – это профессия». Ася выключила телефон. Море за окном было спокойным. Оно тоже ждало. Или просто делало вид. Иногда

морская вода выглядела как кофе.

Китай. Сауна «Православный пар»

Пар стоял. Ему надоело двигаться. Батюшка сидел на лавке. На экране ноутбука был Ганг. Вода не текла.

– ОНИ ТАМ ДО СИХ ПОР! – заорал Форшмак из банки.

Банка иногда кивала.

– Вижу.

– А ГАНГ?

– Стоит. Иногда пьёт чай.

– ЭТО НЕПОРЯДОК! РЕКА ДОЛЖНА ТЕЧЬ! ЭТО ЕЁ РАБОТА!

– Она в отпуске.

– У РЕК НЕТ ОТПУСКА!

– У этой есть.

Форшмак заскрипел. Сельдерея рядом задумался. Он решил, что тоже хочет отпуск.

– А МЫ? – спросил Форшмак. – МЫ ТОЖЕ МОЖЕМ В ОТПУСК?

– У тебя храм. Ты бог. Боги в отпуск не ходят.

– ЭТО ДИСКРИМИНАЦИЯ!

– Это традиция.

Пар одобрительно закрутил пальцем. Форшмак замолчал. Он тоже умел ждать. Просто не любил.

Мексика. Пирамида дяди Толи

Дядя Толя сидел на ступеньках. Кактус на плече. Телефон в руках. На экране – Ганг. Тишина.

– Клавдия, – сказал он. – Они там уже три часа.

– И что?

– Ничего. Сидят. Ждут. Иногда разговаривают с птицами.

– Это нормально. В Индии так делают.

– А Ганг?

– Стоит. Иногда улыбается.

Дядя Толя задумался. Выпил текилу.

– А мы? Мы тоже устали?

– Мы отдыхаем. Это называется пенсия.

Кактус кивнул. Дядя Толя посмотрел на экран. Федя чихнул. Маленькая искра улетела в небо и села на голову кактуса.

– Красиво, – сказал он.

– Это да, – сказала Клавдия.

Они помолчали. Текила кончилась. Кактус показал колючкой на восток. Там, где была Индия. Там, где кто-то ждал. Там, где вода скоро пойдёт. Или не пойдёт. Какая разница.

Канализация Замрича. Труба номер семнадцать

Сергеич сидел на трубе. Белочка – на плече. Орех – в лапах. Она его не грызла. Она смотрела. Иногда щёлкала зубами, чтобы подчеркнуть философскую мысль.

– Думаешь, они дождутся? – спросил Сергеич.

Белочка цокнула.

– А если нет?

Белочка цокнула громче.

– Ты права. Вода сама решит. Она старая. Она знает. Иногда говорит через трубы.

Труба загудела одобрительно. Белочка грызнула орех. Орех согласился.

– А мы? – спросил Сергеич. – Мы будем ждать?

Белочка кивнула.

– Хорошо. Мы умеем. Мы же из канализации. Здесь всегда ждут. Или не ждут. Какая разница.

Труба загудела тише. Она тоже ждала. Или просто делала вид. В канализации это одно и то же.

Атлантида-Палас. Кухня

Абрам Моисеевич сидел за столом. Сардина наливала чай. На столе лежал телефон. На экране – Ганг. Вода стояла. Иногда подпрыгивала, чтобы не заскучать.

– Они там, – сказал Абрам.

– Вижу.

– Три часа.

– Вода не торопится.

– Она имеет право. Тысячу лет текла. Теперь хочет постоять.

Сардина села рядом.

– Ты волнуешься?

– Нет. Я жду.

– Это одно и то же.

– Нет. Волнение – когда не знаешь. А я знаю. Вода пойдёт.

– Когда?

– Когда дракон чихнёт. По-настоящему. Не когда учится.

А когда надо.

Он отпил чай. Экран погас. Сардина взяла его руку.

– А мы?

– А мы будем ждать. Мы умеем. Мы же из Атлантиды.

Гринвольд. Центральный офис

Карта мира мигала. Над Индией горела точка. Не красная – спокойная, золотая. Она не двигалась. Иногда пыхтела.

– Что там? – спросил начальник.

– Они, – сказал бухгалтер.

– Что делают?

– Ждут.

– Кого?

– Воду. Иногда разговаривают с облаками.

Начальник посмотрел на карту. Точка не двигалась. Она просто была.

– Это надолго?

– Не знаю. Но они уже три часа сидят. И не жалуются.

– Это прогресс?

– Терпение. Или лень. В отчёте будет «стратегическая пауза».

Начальник кивнул.

– Записывайте.

Бухгалтер написал:

«Объекты неподвижны. Направление – отсутствует. Статус – ожидание. Причина – вода не течёт. Дракон чихнул – искра летит».

Поставил печать. Круглую, с надписью: «ОДОБРЕНО. ПАУЗА ЗАСЧИТАНА».

– А если они так и будут сидеть?

– Тогда это уже не ожидание. Это образ жизни.

Карта мигнула. Точка не двигалась. Она была уверена.

ГЛАВА 3

Они сидели на берегу. Ждали. Вода стояла. Камень под Федей был тёплый. Или просто привык, что на нём сидят.

Сколько прошло времени – никто не считал. На Ганге часы были бесполезны. Они показывали то, чего здесь не было: спешку, расписания, чувство, что нужно успеть. А здесь не нужно было успеть. Здесь нужно было быть.

Федя смотрел на воду. Вода смотрела на него. Они не моргали. Это был честный разговор.

– ЭБИ.

– Да.

– ОНА ДОЛГО БУДЕТ МОЛЧАТЬ?

– Сколько нужно.

– А ЕСЛИ ОНА ВООБЩЕ НЕ ЗАГОВОРИТ?

– Тогда ты услышишь тишину. Это тоже ответ. Просто он не продаётся.

Федя прислушался. Вода не шумела. Не плескалась. Не шептала. Но в ней было что-то. Что-то, что не было звуком. Что-то, что было глубже. Как будто сама тишина имела голос, просто говорила очень медленно. И с акцентом.

Горо сидел с ведром. Ведро светилось ровно. Внутри слон смотрел на воду. Не как турист. Как тот, кто уже был здесь. Или будет. Или просто знает, что всё правильно.

– МАМА САРА.

– Да.

– А ВОДА ЗНАЕТ, ЧТО МЫ ЗДЕСЬ?

– Знает.

– ОТКУДА?

– Она всё знает. Она же Ганг. Она видела Будду. И Шиву.

И того туриста, который уронил телефон в прошлом году.

И до сих пор помнит. Иногда она пускает пузыри в том месте.

Для напоминания.

– А ПОЧЕМУ ОНА НЕ ГОВОРИТ?

– Говорит. Просто ты не знаешь её языка.

– А КАКОЙ У НЕЁ ЯЗЫК?

– Молчания. И терпения. И иногда – лёгкого течения, когда ей кажется, что её никто не слышит. А когда ей кажется, что её никто не видит – она пускает круги. Просто так. Для себя.

Мама Сара сидела у мангала. Мангал не шипел. Он ждал. Как и все. Даже огонь понимал: сейчас не его время.

Степан и Мэри сидели рядом. Айфоны в сумке не светились. Призраки молчали. Один из них попытался что-то сказать, но другой шикнул. Не время. Третий запомнил это для протокола. Протокол был мысленный. Но это считалось.

Костя сидел на камне. Проверял руки. Все три были на месте. Четвёртой не было, но она, кажется, смотрела откуда-то издалека. Рука из кармана высунулась, посмотрела на воду, показала большой палец и спряталась. Она уже всё поняла. И даже немного гордилась, что поняла раньше.

Папа Изя сидел на траве. Газета лежала рядом. Он её не читал. Он смотрел на воду. Газета тихо шелестела. Ей было непривычно, что её не читают. Но она терпела. Она была трёхмесячной. Она умела ждать. И даже знала, что новости, которые она принесла, уже устарели. Но это было не важно. Важно было то, что они были.

И вдруг вода дрогнула.

Не волна. Не рябь. Не течение, которое решило напомнить, что оно здесь главное. Это было что-то другое. Что-то, что заставило камни на берегу замереть, а воздух – стать тяжелее. Что-то, что почувствовали даже те, кто был далеко. В Гильдии монитор мигнул. В Атлантиде бантик на локте Сёмы завязался в узел «начинается». В сауне Форшмак замер и забыл потребовать командировку.

Вода стала подниматься.

Не как цунами. Не как прилив. Как будто кто-то очень старый, очень уставший и очень важный решил, что пора. Что хватит лежать. Что можно и встать. Что сидеть – это тоже правильно, но иногда хочется просто посмотреть на тех, кто сидит.

Из воды вышла женщина.

Она была не молодая и не старая. Она была та, кто видел всё. Империи, богов, войны, мир, туристов с селфи-палками, которые падают в воду, и тех, кто приходит, чтобы очиститься, и тех, кто приходит, чтобы просто посидеть. Она видела всех. И помнила всех. И теперь стояла на берегу, мокрая,

спокойная, с глазами, которые смотрели не на них, а сквозь них. Вода стекала с её сари, но она не дрожала. Она вообще не дрожала уже тысячу лет. Зачем дрожать, если ты – Ганг.

– Вы пришли, – сказала она.

Голос был низкий. Не громкий. Но он заполнял всё пространство. Камни слушали. Вода слушала. Даже воздух перестал дышать. Потом вспомнил, что дышать – это его работа, и продолжил. Но тише.

– Пришли, – сказала Эби.

– Долго?

– Не считали.

– Это правильно. Счёт – это когда надеешься, что время кончится. А оно не кончается. Оно просто становится другим. Иногда – водой. Иногда – тишиной. Иногда – тем, что вы чувствуете, но не можете объяснить.

Она посмотрела на Федю. Долго. Как смотрят на то, что уже видели, но не против увидеть ещё раз. Потому что это приятно.

– Ты дракон.

– ДА.

– Ты не чихаешь.

– УЧУСЬ.

– Учись. Но иногда можно и чихнуть. Вода любит, когда её трогают. А не только смотрят. И не только просят. И не только ждут, что она ответит. Иногда ей просто хочется, чтобы её заметили. Не как святую. Как воду.

Федя сглотнул. Это была сложная мысль. Но он запомнил. Он вообще стал много запоминать. С тех пор как перестал чихать, память стала лучше. Или просто стало больше места.

Она посмотрела на ведро. Ведро засветилось ярче. Внутри слон выпрямился. Он знал, кто перед ним. Он тоже был старый. Он тоже много видел. Он тоже устал быть слоном иногда. Но сейчас он был просто слоном. И этого было достаточно.

– Хорошее ведро. Оно помнит. Это важно. Потому что я тоже помню. Всё. Каждого, кто приходил. Каждого, кто просил. Каждого, кто просто сидел и смотрел. Я помню. Иногда это трудно. Но я помню.

Она посмотрела на маму Сару. Долго. Как смотрят на то, что может изменить.

– Ты принесла рыбу.

– Принесла.

– Я не ем.

– Я знаю.

– Но ты всё равно принесла.

– На всякий случай. Вдруг передумаешь. Вдруг сегодня тот самый день, когда тысяча лет – это просто привычка, а не правило.

Ганг посмотрела на неё. Потом на рыбу. Потом снова на неё. И улыбнулась. Улыбка была старая. Но не уставшая. Она была та, которая помнила, что такое быть живой. И что такое быть просто водой. И что иногда это одно и то же.

– Я не ем уже тысячу лет. Но сегодня... сегодня, может быть, попробую. Если ты угостишь. Если рыба согласится. Если вода позволит.

Мама Сара кивнула. Мангал зашипел. Рыба легла на решётку. Запах поплыл над водой. Запах был такой, что даже камни зашевелились. Один камень, который планировал вязание на пенсии, решил, что может подождать. Другой, который присмотрел место под пальмой, отложил переезд. Запах был важнее.

Ганг смотрела. Не на рыбу. На то, как она жарится. На то, как шипит масло. На то, как дым поднимается вверх и растворяется в воздухе, который уже тысячу лет пахнет только ею. А теперь пахнет ещё и рыбой. И это было приятно.

– Давно я не чувствовала запаха еды, – сказала она. – Только воду. И туристов. И иногда – надежду.

– А что пахнет надежда? – спросил Степан.

– Свежестью. Или тем, что вы не знаете, что будет дальше, но всё равно идёте. Или тем, что вы сидите на берегу и ждёте, когда вода заговорит. Или тем, что вы принесли рыбу той, кто не ест тысячу лет. Это пахнет надеждой. Или просто уважением. Какая разница.

Она села на камень. Тот самый, где сидел Федя. Федя подвинулся. Камень был большой. Или просто знал, что сейчас нужно быть большим. И тёплым. И надёжным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.